

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'271.16

ББК 81.2Рус

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171

Е. Г. Елина
Саратов, Россия
М. А. Фризен
Ганновер, Германия

Elena G. Elina
Saratov, Russia
Marina A. Friesen
Hannover, Germany

«НОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ», «НОВАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ» И РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

“NEW LITERACY”, “NEW ILLITERACY” AND THE GENRES OF SPEECH

В статье рассматривается влияние лингвистических и технических предпосылок на развитие речевого жанра «Маяк», а также описываются цель и коммуникативные задачи этого жанра речи, его форма бытования, регистр речи. Приводится первичная классификация условно-письменных сообщений «Маяка»: текстовое и нетекстовое наполнение, собственный или заимствованный контент. Прослеживаются изменения языковой нормы и приход к новой грамотности: от языковой экономии СМС до использования графического словаря эмодзи. Авторы также обращаются к понятию «новая неграмотность» и выделяют четыре типа: рецептивная (пассивная) неграмотность, продуктивная (активная) неграмотность, функциональная неграмотность и псевдо-неграмотность.

Ключевые слова: жанр речи «Маяк», «новая грамотность», новая неграмотность, псевдо-неграмотность, продуктивная (активная) неграмотность, рецептивная (пассивная) неграмотность, риторическая функция неграмотности, символическая функция неграмотности, условно-письменное сообщение, эмодзи как графический словарь.

In this article, the two co-authors reflect on the linguistic and technical influences on the emerging speech genre, “The Lighthouse”. They describe its purpose and its communicative objectives, its environment and its register. The paper offers a general classification of quasi-written messages of the “Lighthouse”: textual and non-textual content, personal and loan content. The paper looks at the changes in the linguistic standards and the arrival of the “new literacy”, from the language economy of the SMS to the use of emoji as a graphic dictionary. The authors also turn to the idea of the “new illiteracy” and identify four types: receptive (passive) illiteracy, productive (active) illiteracy, functional illiteracy and pseudo-illiteracy.

Key words: speech genre “The Lighthouse”, “new literacy”, new illiteracy, pseudo-illiteracy, productive (active) illiteracy, receptive (passive) illiteracy, rhetorical function of illiteracy, symbolic function of illiteracy, quasi-written message, emoji as a graphic dictionary.

Сведения об авторах: Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru
ORCID 0000-00020-9797-3145

Фризен Марина Александровна, дипломированный филолог-русист, магистр немецкой и английской лингвистики и медийной педагогики, преподаватель в высших учебных заведениях и центрах повышения квалификации в г. Ганновер, Германия.

E-mail: marina.friesen@tri-office.de
ORCID 0000-0002-3310-3714

About the authors: Elina Elena Genrikhovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General Literary Studies and Journalism.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru
ORCID 0000-00020-9797-3145

Friesen Marina Alexandrovna, Dipl. Phil. in Russian Studies, MA in German and English Linguistics and Media Pedagogy, teaches in colleges and centres of continuing professional education in Hanover, Germany.

E-mail: marina.friesen@tri-office.de
ORCID 0000-0002-3310-3714

Понятие «новой грамотности», введенное в научный оборот британскими лингвистами в 1990-е гг. [1], сегодня становится очень популярным не только у филологов, но и

у культурологов, философов, психологов, социологов, представителей компьютерных наук. В осмыслении педагогической науки «новая грамотность» по понятным причинам приобре-

тает широкий дидактический смысл. И если появление новых информационных технологий на рубеже веков позволяло трактовать «новую грамотность» прежде всего как появление новых форм письменной коммуникации, требующее своего научного описания, то сегодня «новая грамотность» в глазах сторонников традиционных форм письма *противоречит* грамотности старой и влечет за собой новые формы *неграмотности*. Практика новой грамотности, объясняемая чаще всего необходимой экономией, удобством пользователей, их возрастом и привычкой к доступной визуализации сообщений, легко и свободно из области СМС-сообщений переносится сначала в область социальных сетей, а затем и в любые другие виды письменных текстов, не говоря уже об устной речи.

Сегодня в науке и медийной сфере «новой грамотностью» все чаще называют сложившиеся за два десятилетия определённые конвенции использования языка в рамках конкретной технологии. Что изменилось за эти 20 лет? Если в начале века длина кириллического СМС ограничивалась семьюдесятью знаками (160 знаков для латиницы), то сегодня этого правила придерживаются всё меньшее количество пользователей, благодаря технической свободе, позволяющей незаметно организовывать несколько СМС в единый текст. Однако принцип необходимого и достаточного, столь творчески освоенный отправителями СМС 10–20 лет назад, до сих пор остался актуальным и для интернет-базированных сообщений, таких как Facebook, Viber, WhatsApp. СМС-язык отбрасывает *лишние* буквы («пжлст»), использует логограммы («7естр», «b4»=before), смайлики («:-:» – very very happy), акронимы («OMG» – Oh my God!) [2], а также производит массу прочих менее успешных экспериментов в попытке преодоления технологического несовершенства¹.

Параллельно мы наблюдаем развитие и другой тенденции: всё большее количество пользователей осваивают нетекстовые функции мессенджеров (WhatsApp, Viber). Это графический словарь с эмодзи («рожицами»), символами и знаками; аудио-, фото- и видео-запись, рисование, стикеры и т.п. Эти функции создают плодотворную почву для развития нового жанра речи. Назовём его условно «Маяк». Перечислим некоторые его элементы.

Цель нового речевого жанра: подать признак жизни, показать своё расположение к

адресату сообщения, готовность к контакту при отсутствии реального коммуникативного повода. Маяк чем-то напоминает заполнители пауз в разговорной речи, известные формулы установления контакта, например, поверхностные комментарии о погоде в лифте, в котором случайно оказались два малознакомых человека. Появившись благодаря новым технологиям, Маяк выполняет иные функции и проявляется в иных формах, не только языковых.

Основная форма использования Маяка – условно-письменное² сообщение через интернет-базированный сервис.

Наполнение Маяка может быть текстовым («Зайка, как дела?») и нетекстовым: от нашего корреспондента мы можем получить того же зайку в виде 🐰, а также 🐱, 🐼 и т. п. или фотоавтопортрет, обычно называемый «селфи». В качестве наполнения Маяка может использоваться и заимствованный контент, который через акт адресации приобретает индивидуально-авторские черты. Это может быть анекдот, мем, известная получателю цитата, скопированная (чаще всего из соцсетей) «мудрая» мысль («Лучше один раз взяться за ум, чем всю жизнь хвататься за голову»), глубокомысленно звучащее, но чаще всего банальное назидание («Если ребенок в беде, закрой рот и открой объятия»), простой совет по достижению максимально удачного результата, так называемый «лайф-хак» («Чтобы быстрее высушить лак, опустите ногти в холодную воду на три минуты. Он полностью высохнет за это время»). Ничего общего с желанием действительно удивить, помочь, посоветовать Маяк не имеет, поскольку информативная задача у Маяка отсутствует: сообщение отправляется только для поддержания или укрепления контакта.

Жанр Маяк мы относим к неформальному регистру речи, к разговорному стилю. Сфера употребления Маяка – круг друзей, знакомых, семья, потенциальные друзья, то есть люди, оказавшиеся в списке контактов (иногда даже добавленные без активного участия человеческого сознания логикой алгоритма очередной соцсети), но ещё не вошедшие в ближний круг в реальной жизни. Использование Маяка может привести к развёрнутому диалогу или последующему телефонному разговору, личной встрече, а может и не иметь никакого продолжения в случае «новой неграмотности» получателя. Нередко Маяк обладает и романтическим потенциалом.

¹ На кнопочном телефоне, чтобы набрать слово «стол», надо было нажать на кнопку дважды, чтобы получилось «с», подождать, нажать трижды, чтобы получилось «т», затем трижды, чтобы получилось «о», нажать четыре раза, чтобы получилось «л».

² Условно-письменное, поскольку сообщением может являться не только письменный текст, но и устный (аудио-запись), и даже вообще не текст. Подробнее об этом ниже.

Итак, мы уже сказали, что «новая грамотность» порождает «новую неграмотность». Сегодня мы готовы выделить четыре основных типа этого социально-лингвистического явления.

1. *Рецептивная (пассивная) неграмотность*, связанная с неумением декодировать сообщения (например, расшифровать аббревиатуры, уловить смысл эмодзи: что означает ☹️? «не знаю, надо подумать» или «целую»? Как правило, этот вид неграмотности связан с недостаточным опытом пользования новыми технологиями. В случае получения сообщения в жанре «Маяк» человек, скорее всего, не поймёт, что имелось в виду и или никак не отреагирует (коммуникативный акт не состоялся), или задаст уточняющий вопрос (коммуникативный акт пойдёт по другому скрипту). «Новая грамотность» – это новая система, которая требует изучения. Овладеть новой грамотностью возможно при регулярном контакте с другим носителем «новой грамотности» и открытом отношении к языковым новациям.

2. *Продуктивная (активная) неграмотность*. Здесь мы имеем в виду неумение оценить степень сокращаемости слов и грамматических конструкций так, чтобы они тем не менее были понятны адресату. Текст может быть сокращён до неузнаваемости; текст может быть набран во время ходьбы или движения транспорта, и тогда он часто содержит опечатки, искажающие аббревиатуры или удлиняющие языковые элементы, буквы из нижнего ряда вместо знака пробела. Есть множество фактов ошибочной интерпретации в использовании графических элементов. Например, 🙈 часто используется, чтобы показать смущение, однако на самом деле это мифологический образ, символизирующий секрет, тайну, и входит в триаду «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу» (🙈👂👄), или «X» (в некоторых субкультурах символизирует поцелуй, однако часто используется просто как формальный маркер конца сообщения). Этот вид неграмотности легко устраняется при личном контакте, когда появляется возможность переспросить и прояснить утерянные элементы смысла.

Хочется подчеркнуть, что этот вид «новой неграмотности» не связан с такими общими тенденциями современного языка, как расшатывание орфографических и орфоэпических норм, смешение стилей, сдвиги в словоупотреблении, нарушение грамматических норм, орфографическая некомпетентность.

3. *Функциональная неграмотность*, когда происходит неконтролируемый перенос правил «новой грамотности» за пределы определённой технологии (использование смайликов,

особенно развёрнутых на 90 градусов, в рукописных текстах; использование нестандартных сокращений в традиционных языковых стилях (деловом, научном); использование элементов «новой грамотности» в неприспособленных для этого речевых жанрах («Извините, Елена Генриховна, я сегодня опять немного опоздаю ☹️»).

Такой вид неграмотности вполне может быть воспринят как нарушение этикета, недостаточное владение коммуникативными нормами, даже как намеренное проявление неуважения.

4. *Псевдонеграмотность*, которая хорошо известна нам по разговорной речи знатоков языка, намеренно нарушающих правила, искажающих слова, пародирующих речевые ошибки, смешивающих стили для создания иронического эффекта.

Новая «псевдонеграмотность» выполняет и риторическую функцию: она нарочито используется для создания комического эффекта, это способ коммуникативной игры. Примерами являются такие коммуникативные акты, как пантомимное изображение эмодзи (🙈), использование расхожих интернет-сокращений в устной и письменной речи («сча» или ща=сейчас, «оч»=очень, «поч»=почему, «BFF»=best friends forever), адаптация к новому контексту крылатых выражений («проблемы с цигель: завтра сдавать»), создание *наивных* мемов или мемов на невозможном стыке старых и новых технологий (кадр из советского мультфильма, изображающий наливное яблочко на серебряном блюде с подписью: «Первый русский планшет. Стив Джобс спёр не только идею, но и название Apple»).

Однако новая «псевдонеграмотность» может выполнять и другую, символическую функцию. Это дань моде, модели речевого поведения, принятого внутри одной группы. В русском языке благодаря креативным заимствованиям и «народным» переводам новые формы возникают именно как знак принадлежности к *своим*, поэтому мы полагаем, что их следует относить к жаргонизмам. Примерами являются переделки английских слов и выражений: «сорян» (sorry), ИМХО (калька с английского In My Humble Opinion, но с нецензурной вставкой: имею мнение, *вряд ли* оспоришь).

Границы между «новой грамотностью» и «новой неграмотностью» динамичны и нечётки, здесь постоянно всплывают новые окна возможностей, но могут таиться и новые проблемы. Так, в процессе общения может выясниться, что один из собеседников, например, не приемлет текст без знаков препинания. Или, скажем, молодыми носителями новой грамотности не учитываются принятые нормы диалога с человеком, старшим по возрасту.

Студент может обратиться к преподавателю в СМС-сообщении: «Привет!» «Добрый день!», либо не обратиться вообще. При этом в устном общении все элементы этикета могут быть соблюдены. Два участника СМС-диалога воспринимают текст такого сообщения принципиально по-разному.

Очень интересным представляется вопрос о взаимосвязи «новой грамотности» с процессами, происходящими в современном языке, например, такими как расширение лексики путём заимствований или модернизация значений существующих слов. Вопросы языковой нормы, лингвистического этикета, новых коммуникационных кодов и речевых жанров могут решаться самыми разными исследовательскими методами, среди которых, как нам представляется, существенные результаты может дать междисциплинарный подход.

Очевидно, что «новая грамотность» будет прирастать новыми речевыми явлениями вплоть до создания новых жанровых образований в полной гармонии с развитием новых

технологий, каждая из которых в отдельности и все вместе будут поставлять новые исследовательские объекты. Ясно и то, что явление «новой грамотности» будет всегда порождать некие формы «новой неграмотности», которые следует воспринимать и интерпретировать по законам языковой толерантности, то есть замечая, фиксируя и анализируя процессы вне категории осуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buckingham D. Towards new literacies, information technology, English and media education // *The English and Media Magazine*. 1993. Summer. P. 20–25.
2. Crystal D. *Txtng. The gr8 db8*. N.Y.: Oxford University Press, 2009. 239 p.

REFERENCES

1. Buckingham D. Towards new literacies, information technology, English and media education. *The English and Media Magazine*, 1993, Summer, pp. 20–25.
2. Crystal D. *Txtng. The gr8 db8*. New York, Oxford University Press, 2009. 239 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Елина Е. Г., Фризен М. А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // *Жанры речи*. 2018. № 3 (19). С. 168–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171

For citation

Elina E. G., Frisen M. A. “New Literacy”, “New Illiteracy” and the Genres of Speech. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 168–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171